

УДК 364-1

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ ДИСКУРСЫ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

М.В. Фирсов^{1,3}, С.Н. Добросмыслова², Е.В. Ходарина¹

¹Российский государственный социальный университет, г. Москва

²Тверской государственный университет

³Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» г. Москва

На основе социально-исторического анализа дана характеристика основных тенденций оформления российской модели теории познания социальной работы на рубеже XX–XXI вв., выявлены ее специфические особенности в контексте процессов институционализации.

Ключевые слова: парадигма, постмодернизм, модернизм, теория познания социальной работы, трансверсальность, социальная педагогика, психология, социология, социальное образование.

Теория познания социальной работы формировалась первые четверть века в контексте дискурсов постмодернизма. Специфической особенностью оформления социальной работы в России на новом этапе являлся тот факт, что практика, система образования, теоретические подходы, специфический предметный язык оформлялись одновременно. Контекст парадигмы постмодернизма и трансверсальности как способа мышления приносили свои своеобразные черты в данный процесс.

Особенности теории познания отечественной модели социальной работы в контексте постмодернизма

Постмодернизм получает свое развитие в социальной работе во второй половине XX в. Как считают исследователи, это была скептическая реакция на теории модернизма.

Особенность теории познания отечественной социальной работы заключалась в том, что исторически она формировалась позднее зарубежной, в конце XX столетия, минуя этап модернизма, что было характерно для других областей социальных наук.

Парадигма постмодернизма определила такие системные характеристики социальной работы как широкий спектр подходов к пониманию ее предметных границ, принятие существования «многомерности изучаемых реалий», рефлексирование многогранности явлений и феноменов и другие особенности познания, которые, с точки зрения британской исследовательницы Ф. Уильямс и составляли сущность постмодернистских подходов[7, с. 61–76].

Многообразие понимания сущности социальной работы в

отечественных базовых учебниках свидетельствует о доминировании постмодернистских дискурсов. Так, например, в учебниках представлены следующие определения социальной работы как теории и науки.

1. авторский коллектив под руководством профессора С.И. Григорьева считал, что «социальная работа как наука изучает механизмы реализации жизненных сил и социальной субъектности индивида и группы, а также характер сопряженности жизненных сил индивида, группы и средств обеспечения их реализации в разных социальных ситуациях» [22, с. 44];

2. профессор П.Д. Павленок определяет социальную работу как науку, сфера человеческой деятельности, функция которой состоит в выработке и теоретической систематизации объективных знаний об определенной действительности – социальной сфере и социальной работе [21],

3. профессор М.В. Фирсов полагает, что теория социальной работы – это система познания специфических предметных объектов, свойств социальной работы как процесса социальной помощи, формы общественного сознания, видов профессиональной деятельности, и выражена на основе специализированных средств предметного языка [25],

4. профессор Е.И. Холостовой теорию социальной работы представляет как «особое выражение в логических формах знания процесса функционирования и развития сложной полицентрической системы социального развития, где каждый компонент структуры может выступать и причиной, и следствием характера социальных процессов одновременно» [23, с. 22].

Отличительной чертой институционализации отечественного познания социальной работы является не только тот факт, что она оформлялась в контексте постмодернизма, но и то, что ее институционализация осуществлялась вне дискурсов и ориентиров парадигмы марксизма, учения, оказавшего влияние на концепции всех областей гуманитарных наук советского времени.

С одной стороны, это дало возможность исследователям рефлексировать феномены социальной работы вне марксистских доктрин и положений, опираться на положения и концепты различных научных школ, как западноевропейских, так и североамериканских.

С другой стороны, отсутствие научных традиций социальной работы в XX в., «привнесение ее путем декретирования» в познавательное, образовательное и практическое пространство в 90-х гг., сформировали у российских исследователей, занимающихся смежными научными дисциплинами, представления о невозможности самостоятельного ее развития как научной парадигмы. В этой связи можно было наблюдать в конце прошлого столетия «своеобразную

экспансию» гуманитарного познания на «территории» социальной работы.

И если в западной теории социальной работы дискуссии на начальном этапе институционализации оформлялись вокруг практических методов работы, между диагностической и функциональной школой в рамках научных теоретических подходов З. Фрейда и О. Ранка [2, с. 68], то в России дискуссии шли за пределами научной парадигмы социальной работы, определив ее «ущербной и ненаучной».

Ситуация с начальной фазой институционализации познания и практики, на примере клиники, была проанализирована М. Фуко. Анализ исследователя в полной мере справедлив и для отечественной социальной работы конца XX столетия: «...институт клиник, каким он создавался или проектировался, был еще очень далек от уже установленных форм знания. ... Он не мог сам ни открывать новых объектов, ни создавать новых концепций... он не изобретал новой совокупности дискурсов и практик» [26, с. 104–105], все это и определило стратегии расширения познавательных границ гуманитарного отечественного знания.

Вектор развития теоретической социальной работы в этот период был направлен на осмысление практики помощи в контексте создаваемых социальных институтов и социально-политических дискурсов власти, которые определяли идеологемы помощи населения.

Другой вектор развития был связан с полемикой представителей педагогических, социологических и психологических наук, которых объединяло, несмотря на разные области познания, единство научных установок о возможности систематизации представлений о сущности социальной работы на основе сложившихся теоретических конструктов.

Педагогические претензии к теории социальной работы были впервые сформулированы в отечественных социально-педагогических подходах.

Одна из первых попыток подчинения социальной работы социальной педагогике была реализована профессором В.Г. Бочаровой, которая как бы открывает процесс дискуссий о соотношении социальной работы и социальной педагогики в постмарксистском познании. С ее точки зрения, социальная педагогика являлась методологической базой социальной работы, которая позволяла осмыслять феномены практики и дискурсы теории.

Расширяя объект теории социальной педагогики, под которым понималась «целостная система взаимодействий человека в сфере его ближайшего окружения», она включала в системные связи этого объекта и социальную работу, считая, что «данная отрасль науки как бы очеловечивает, "педагогизирует" социальную работу, рассматривая человека в органическом единстве индивидуально-психического и социального». Абсолютизируя только одну грань социальной работы, ее

практическую направленность, исследователь сделала вывод, что «социальная педагогика – прикладная наука для практической социальной работы» [11, с. 147].

В дальнейшем данный подход находит своих последователей, которые рассматривали теорию социальной работы в контексте субординации и соподчинении ее социальной педагогике.

Отечественные социальные педагоги, отказавшись от коллективистских дискурсов, марксистского мировоззрения, искали новые пути научной рефлексии. Однако при этом исследователи отrekliсь от диалектики марксизма, поиска всеобщих связей и развития, системных обобщений, историзма, что было характерно для континентальной социальной педагогики Западной Европы.

Континентальная социальная педагогика имела богатые традиции осмысления помощи и воспитания, филантропии и образования в их единстве системных феноменов, практик и теоретических обобщений. Проблемы соотношения практики социального воспитания и самопомощи, образования и социальной работы идут от теоретического наследия И. Песталоцци к П. Наторпу, а от него – к К. Молленхауеру, и Х. Тиршу и в XXI в. получают свое дальнейшее развитие и интерпретацию в работах европейских исследователей [8].

Еще в начале XX в. немецкий философ и педагог П. Наторп в лучших гуманистических традициях социального познания обозначил диалектическую связь между теорией и практикой социальной работы и социальной педагогики. В частности, он писал: «... самоценность личности развивается сильнее всего как раз в скромной безличной преданности делу, именно – общественному делу; что именно стремление к освобождению личности, индивидуальности должно вести к *социальной работе*, которая по ее конечному смыслу будет всегда *работой над социальным образованием* [20, с. 149]».

Но данные подходы пока еще только осмысляются в отечественной социально-педагогической теории. Сегодня, в начале нового века, как и в 90-е гг. прошлого столетия, можно наблюдать, как в своем «ослабленном виде» концепты соподчинения социальной работы социально-педагогическому познанию и практике еще находят свое отражение в ряде российских учебников по социальной педагогике [17; 19].

Вместе с тем можно отметить, что дискуссии 90-х годов привнесли и позитивные элементы в оформление теории и практики социальной работы.

Во-первых, в теоретической парадигме социальной работы были расширены подходы к пониманию процесса помощи. Процесс помощи стал рефлексироваться не только в контексте интервенций социального обслуживания, где удовлетворение потребностей клиентов являлось

целевой установкой профессиональной деятельности. Процесс помощи включал в себя поддерживающие интервенции, формирующие, корректирующие, социально-воспитывающие, направленные на его развитие и полноценное социальное функционирование в системе социальных отношений.

Во-вторых, социально-педагогические дискурсы дали импульс для расширения ролевых функций социального работника, не ограничивая его компетенции социально-технологическими интервенциями. Технологии адаптации, ресоциализации, патронажа, коррекции позволили социальным работникам выйти на новые профессиональные роли, связанные с социально-педагогической деятельностью, что в дальнейшем найдет отражение в профессиональных и образовательных стандартах.

Отечественная социология за прошедшие годы либо расширяла перспективы теории познания и практики социальной работы, либо «предоставляла» определенный инструментарий для эффективного социального обслуживания клиента и понимания его проблемы [6, с. 683], как это происходило в зарубежной социальной работе.

В этой связи можно говорить об умеренной экспансии со стороны данного научного познания за двадцать пять лет оформления отечественной теории и практики социальной работы.

Эту «толерантность» можно объяснить различными факторами, в том числе и тем, что предметное поле, границы, теоретические схемы социологии в России меняли вектор своего развития на рубеже XX и XXI вв. В Советском Союзе функционировали социологические школы в контексте марксистской парадигмы [17], и после смены «общественно-исторических условий» область познания этих школ в этот период определялась в новых границах постмарксистской социологии [10; 17; 24].

Можно отметить, что осмысление теории социальной работы с позиций социологического познания было предпринято в начале 1990-х гг., может, не столь широко и «оппозиционно», как это было в случае с социальной педагогикой, но последовательно. Главное отличие заключалось в том, социологический подход к теории социальной работе осуществлялся по логике оформившихся научных западных традиций.

Возможно, как нам представляется, выделить три основные группы исследований, которые в той или иной мере были направлены на формирование подходов к теории социальной работы. Все эти подходы рассматривали проблемы клиентов на одном из проблемных уровней – микро-, мезо-, макро- или мегауровне, принятых в социологическом зарубежном познании, при этом их дискурсы осмысления, что характерно для всех отечественных исследований, были тесно взаимосвязаны с реальной практикой социальной работы.

Первая группа социологических исследований была направлена на микроуровень осмысления теории и практики социальной работы. В этом направлении наиболее интересные подходы, по нашему мнению, осуществили алтайские исследователи С.И. Григорьев, Л.Г. Гусякова и другие ученые [12; 13; 14], которые попытались реализовать построение отечественной теории социальной работы на базе подходов виталистской модели социологии. Осмысляя клиента социальной работы как субъекта жизнеосуществления, они предлагали выстраивать оценку проблемной ситуации исходя из уровня развитости и состояния жизненных сил клиента. В логике данного понимания проблем клиента, по мнению исследователей, должны моделироваться последующие интервенции, позволяющие изменять проблемную ситуацию.

Вторая группа исследователей – О.И. Бородкина, В.А. Самойлова сосредоточила внимание на групповых моделях практики, которые сегодня наиболее широко представлены в контексте эколого-системного подхода, распространенного в западной социологии. Ученые описали ресурсный подход к проблемам теории и практики отечественной социальной работы. Их исследование позволило вывить, что в практике социальной работы и в обществе в целом сложился «проблемно-дефицитарный» подход к решению проблем клиента. Данный подход ослаблял позиции клиента, формировал у него иждивенческие установки. Приоритетная задача современной социальной работы, по их мнению, заключалась в том, чтобы активизировать различные «защитные ресурсы» клиента, чтобы «ослабить или нейтрализовать влияние факторов риска». Поэтому вопросы «содержания ресурсов, их систематизация, оценка» при работе с клиентами требовали адекватных и современных ответов на вызовы развивающейся отечественной практики.

На основе методологического синтеза различных подходов, социологического мониторинга социальной ситуации клиента, а также методов традиционной оценки проблем семьи, которые используются в практике социальной работы, таких, как генограмма, экокорта, сетевая карта и ряд других, формируется оценочный инструментарий. Этот оценочный инструментарий позволяет определять текущее состояние семейных проблем, а также потенциальные ресурсы клиентов, которые могут способствовать изменениям в решении проблем [9]. В данном исследовании обозначены подходы «теории практики», широко представленные в западных концепциях социальной работы.

Третья группа исследователей на основе концептов социального благополучия смоделировала свой вариант метатеории социальной работы. Такую задачу перед собой поставили ученые из Санкт-Петербурга И.А. Григорьева, В.Н. Келасьев, И.Л. Перова [15].

Данный подход претендовал на методологическое осмысление

социальной работы как многоуровневой теории, где с позиций концептов социального благополучия осмысляются различные типы аттракторов – общество, группа, человек. Исследователи в классической модернистской схеме определяли предмет и объект теории социальной работы в контексте предлагаемой ими схемы: человек – взаимодействие – среда, происходило описание проблемы «в двух специфических аспектах: включения/исключения человека из среды» и осмыслились интервенции [15; 20].

Социологическая траектория познания социальной работы вносила свои коррективы в ее теоретические схемы, однако социологическая область познания также формировалась в новых условиях России. Она, как и социальная педагогика, находилась на стадии своего нового оформления, поэтому ее претензии на методологию социальной работы были не больше чем повышение самооценки ее исследователей, чем действительное привнесение позитивных концептов в развитие ее теории. В этой связи примечательны замечания американского социолога Р. Мертон, который, характеризуя процесс институционализации социологии на очередном историческом изломе, писал: «Неуместный мазохизм социолога и невольный садизм общества вызваны тем, что они забывают, что социология, как и все науки, постоянно развивается и провидением отнюдь не предусматривается, чтобы она в любой момент соответствовала всему кругу проблем, стоящих перед человеком» [18, с. 76].

Вместе с тем необходимо отметить, что была и объективная научная потребность социальной работы в «инструментах» социологического исследования, это было связано с новыми историческими общественными реалиями. Осмысление социального контекста, в котором «формировались» средовые проблемы клиента, требовало научного социологического объяснения, что определяло необходимость познавательных дискурсов социологии в теории и практике социальной работы в данный период.

Психологические дискурсы в теории познания социальной работы сформировались вокруг концептов психосоциальной практики. Отечественная модель психосоциальной практики – это эклектический подход к различным группам населения, который сформировался в начале 1990-х гг. как альтернатива «лабораторной психологии». Можно отметить, что психологический «инструментарий» психосоциальной работы представлял собой российский вариант социальной работы со случаем. Однако ее практическая и методологическая база совершенно не пересекались с классическими диагностическими психосоциальными моделями, описанными американскими исследователями Ф. Холлис и М. Вудс, которые и дали название этому методу социальной работы [3].

Вместе с тем в теории и практике социальной работы

психосоциальные феномены становятся предметом изучения и осмысления в теории познания. С другой стороны, психосоциальные представления дали возможность исследователям и академическому сообществу расширить горизонты представлений о практике социальной работы, где доминировали технологии индивидуального социального обслуживания.

Однако экспансия психологии как области познания и практики, которая охватила все сферы деятельности в постсоветском обществе привела к доминированию психологической парадигмы помощи клиентам в различных сферах их жизнедеятельности. Причем психологические технологии, реализуемые вне лабораторных условий, выстраиваемые на методиках работы со случаем, с отдельной группой или семьей в основном строились на социальных запросах клиентов, где психологическая проблематика была вторичной, выступала в качестве контекста проблемы клиента. Социальные дискурсы все более практическую психологию «разворачивали» к технологиям социального консультирования и моделям работы с отдельным случаем.

Такая ситуация привела к тому, что практика социальной работы в учреждениях социальной защиты все более упрощалась и практически была сведена к организационной работе, к различным формам патронажа и социокультурной анимации среди старшего поколения, детей и подростков. Но как показывает историческая практика, абсолютизация психологической парадигмы является «детской болезнью» социальной работы и ее этапом социализации.

Так, Г. Шпехт, американский теоретик социальной работы, писал в 1990-е гг.: «Исходя из существующего положения дел, можно ожидать, что профессия будет полностью поглощена психотерапией в ближайшие 20 лет и функции социальной работы и государственных социальных служб станут незначительными... Психотерапия отвлекла социальную работу от ее первоначальной мечты, мечты о совершенствовании общества, создании "города прекрасного", "живого общества" и "новых границ"». [5, с. 34]. Но в XXI в. данные тревоги рассеялись, когда у теории и практики социальной работы появились новые очертания и познавательные дискурсы.

С другой стороны, абсолютизация психосоциальных феноменов была вызвана проблемами переходного российского общества на рубеже веков, когда психологические и социальные кризисы носили массовый характер, и ответом на них явились практики, предложенные психологической наукой. Именно эти практики позволили актуализировать познание социальной работы соответственно проблемам работы, которые пока не находят должного освещения в отечественной теории познания.

Однако при стабилизации процессов общественного развития,

несмотря на дальнейшее расслоение общества, при изменении стандартов прав и свободы личности будет расширяться спектр проблем, которые уже невозможно решить в рамках психосоциальной парадигмы.

Таким образом, постмодернистский этап развития теории социальной работы определил главные направления ее дальнейшего развития, которые связаны с многоуровневыми подходами к ее практике и познанию. Тенденции мировой социальной работы постепенно осуществляют переход от междисциплинарности к трансверсальности, от директивной практики с «заготовленными рецептами помощи» к практике помощи на основе запросов клиента, его жизненного опыта, ценностных установок и индивидуальных представлений о личностном благосостоянии.

Основные подходы к отечественной трансверсальной модели социальной работы

Трансверсальная модель социальной работы в отечественном познании начинает оформляться в новом столетии благодаря различным факторам, важнейшими среди которых являются: развитие профессиональной конфессиональной социальной работы, где доминируют духовные дискурсы и религиозный опыт в подходах помощи человеку в трудной жизненной ситуации; расширение профессий социальной работы; кризис психосоциальной модели помощи, которая построена на ресурсном подходе.

Конфессиональные дискурсы в теории и практике социальной работы оформляются с введением в приходах РПЦ должности социального работника, функции и компетенции которого пересекаются со светскими подходами к данной профессии.

Конфессиональные дискурсы социальной работы расширили познавательное пространство теории и практики отечественной социальной работы. Сегодня оно не ограничивается больше рациональным мышлением и логикой дедуктивных подходов. Логика познавательных дискурсов формируется в направлении интуитивно-феноменологических подходов, где важнейшее место занимают духовно-ориентированные дискурсы.

В этой связи начинает формироваться новая познавательная матрица в социальной работе. Традиционное дихотомическое противопоставление «среда – личность», «личность – среда», начинает оформляться в контексте «клиент – в проблемной ситуации – окружающей среде». При этом традиционная для отечественного познания проблематика клиента с психосоциальной расширяется до био-психо-социо-этно-культурно-духовно-ориентированной проблематики.

Во-первых, здесь выражается один из принципов трансверсальности – трансдисциплинарность, когда различные области

знания образуют специфический концепт «знание после знания».

Во-вторых, всесторонний охват различных измерений человека и его проблемы реализует целостный подход к клиенту, отражая идею Сократа, что «нельзя лечить тело, не лечя душу». Отсюда выстраиваются стратегии поиска баланса познаваемых сущностей. Познание проблемы осуществляется с учетом таких факторов, образующих единство человека, как биологическое, психическое, социальное, культурное, духовное, что определяет специфику понимания оценки и моделирование последующих интервенций.

В-третьих, холистический подход, выражающийся в концепте «то, что не делится на части», позволяет рассматривать клиента в едином дискурсе слабых/сильных сторон его индивидуальности. Клиент не только уязвимый индивид, но и индивид, имеющий опыт решения проблем. Таким образом, он не только *homo vulnerable* (человек уязвимый), но и одновременно *homo capable* (человек способный). Так меняется представление о сущности клиента и его потенциальных ресурсах.

Человек, имеющий проблемы, в то же время имеет и ресурсы для их решения. При этом дискурсы ресурсов могут находиться как в различных биологических, психологических, социальных, этнических, культурных, духовных сферах, так и во всех них одновременно.

Меняется и понимание запросов клиента, они могут осуществляться по различным векторам направленности: от нарушения биопсихосоциальных индивидуальных норм жизнедеятельности до этнокультурной дискриминации групп, от экзистенциальных проблем, связанных с социальной справедливостью, до проблем духовного голода.

Широкий спектр проблем клиента расширяет границы практики социального работника. Практика социальной работы все больше имеет направленность на решение проблем с различными типами организации клиентов: индивида, группы, семьи, сообщества, социальных институтов, общества, религиозных организаций. Она тем самым реализуется на микро-, мезо-, макро-, мегауровнях практики социальной работы.

Таким образом, теория отечественной социальной работы прошла за двадцать пять лет своего развития определенный путь. За данное время оформляется предметный язык, намечаются тенденции к оформлению направлений профессий в области социальной работы. С введением конфессиональной парадигмы социальной работы расширяются познавательные дискурсы, постмодернистская парадигма развивается в логике современного научного мышления и тенденций мировой практики в контексте глобальных вызовов, мировых и региональных кризисов.

Список литературы

1. Blakely T., Dziadosz G. Social Functioning: A Sociological Common Base for Social Work Practice // *J. of Sociology & Social Welfare*. 2007. V. XXXIV, № 4.
2. Coady N., Lehmann P. The Problem – Solving Model: A Framework for Integrating the Science and Art of Practice // *Theoretical Perspectives for Direct Social Work Practice*. Springer Publishing Company, 2008. P. 68.
3. Hollis F., Woods M. Casework A Psychosocial Therapy New York: Random House, 1981, 534 p.
4. Sociology for social workers and probation officers / Vivienne E. Cree. 2nd ed Taylor & Francis e-Library, 2010, p. 226.
5. Specht H. Social work and the popular psychotherapies// *Social Service Review*. 1990. 64(3). P. 34.
6. Stanley T., Kelly S. Weaving Sociology into New Zealand Social Work Education // *Social Work Education*. 2010. V. 29, № 6, P. 683–694.
7. Williams F. Postmodernism, Feminism and the Question of Difference // *Social Theory Social Change and Social Work* / ed. N. Parton, London: Routledge, 1996. p. 61–76.
8. Wollenweber H. (Hrsg.) Sozialpädagogische Theoriebildung, Qutllenband, Schönigh, Paderborn, 1983. 186 S.
9. Активизация в социальной работе с семьей» / под ред. О.И. Бородкиной, В.А. Самойловой. СПб.: Скифия-принт, 2013. 176 с.
10. Бороноев А.О., Ельмев В.Я., Орлов В.Н., О предмете социологии как общей науке об обществе// *Социс*. 1991. №5. С. 35-39.
11. Бочарова В.Г. О научном статусе социальной педагогики и ее роли в современной социокультурной практике // *Гуманитарная культура как фактор преобразования России: матер. междунар. науч.-практ. конф.*, СПб.: 1995, С. 147.
12. Григорьев С.И., Гусякова Л.Г. Социология для социальной работы. М. ИД Магистр-Пресс, 2003. 164 с.
13. Григорьев С.И. Новые отношения субъектности в социальной сфере современной России как проблема социологического витализма. М, Барнаул, 2004.
14. Григорьев С.И., Гусякова Л.Г., Павлов С.Н., Социальная работа с молодежью: основные направления и современные формы. М.: Кнорус, 2011. 216 с.
15. Григорьева И.А., Келасьев В.Н., Перова И.Л. Теории социальной работы и реалии социального благополучия. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2012. 173 с.
16. Иванов А.В. и др. Социальная педагогика. М: «Дашкова и К», 2010. 424 с.
17. Иванов В.Н. Методологические проблемы марксистско-ленинской социологии // *Вопросы философии*. 1988. №8.
18. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.

19. Мудрик А.В. Введение в социальную педагогику. М.: МПСИ, 2009, 568 с.
20. Наторп П. Избранные работы. М.: ИД Территория будущего, 2006. 384 с.
21. Павленок П.Д. Методология и теория социальной работы: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2008 267 с.
22. Теория и методология социальной работы: учеб. пособие / Григорьев С.И., Гусякова Л.Г., Ельчанинов В.А. и др. М.: Наука, 1994. 185 с.
23. Теория социальной работы: учебник / под ред. проф. Е.И. Холостовой. М.: Юристъ, 1998. 334 с.
24. Тощенко Ж.Т. Возможна ли новая парадигма социологического знания // Социс. 1992. № 7.
25. Фирсов М.В., Студёнова Е.Г. Теория социальной работы: учеб. пособие для вузов. М.: Академический Проект, 2009. 512 с.
26. Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998. 310 с.

POSTMODERNIST DISCOURSE OF THE THEORY OF KNOWLEDGE OF SOCIAL WORK

M.V. Firsov^{1,3}, S.N. Dobrosmyslova², E.V. Khodarina¹

¹Russian State Social University, Moscow

³Tver State University

²National Research Nuclear University «MEPhI», Moscow

The paper presents the characteristic of the main tendencies of the Russian model of theory of knowledge of social work at the turn of XX-XXI centuries on the basis of social - historical analysis. The specific characteristics in the context of the institutionalization process of theory of knowledge of social work are revealed.

Keywords: *paradigm, postmodernism, modernism, the theory of knowledge of social work, transversality, social pedagogy, psychology, sociology, social education.*

Об авторах:

ФИРСОВ Михаил Васильевич – доктор исторических наук, руководитель Научно-образовательного центра трансверсальной и кросскультурной социальной работы факультета социальной работы, Российского государственного социального университета, профессор Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» (129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1), e-mail: mihail_firsov@mail.ru

ДОБРОСМЫСЛОВА Светлана Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы и педагогики ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33) e-mail: dobrayas@yandex.ru

ХОДАРИНА Екатерина Владимировна – главный специалист Научно-образовательного центра трансверсальной и кросскультурной социальной работы факультета социальной работы Российского государственного социального университета (129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр.1). e-mail: ekaterinakhodarina@gmail.com